

на увѣренія въ любви и дружбѣ, расточавшіяся имъ направо и налѣво, нельзя было полагаться.

Внѣшнимъ основаніемъ для такихъ толковъ, очевидно, служила та черта характера Щепкина, которая сложилась у него подъ вліяніемъ полного превратностей жизненнаго опыта; мы видѣли выше, чрезъ какія испытанія пришлось ему пройти, пока онъ достигъ положенія, соотвѣтственнаго его дарованіямъ. И житейскій опытъ дѣйствительно выработалъ въ немъ осторожнаго и благоразумно - предусмотрительнаго политика, съ „хитрецей“, какъ онъ самъ иногда про себя выражался. Но во всемъ, что намъ извѣстно о жизни Щепкина, мы не находимъ ни одного факта, который указывалъ бы на то, что Щепкинъ пускалъ въ ходъ свою „политику“ во вредъ другимъ или къ униженію собственнаго достоинства. Если указывалось на то, что Щепкинъ не сходился съ Мочаловымъ, то причиною тому была совершенная противоположность въ ихъ отношеніяхъ къ артистическимъ обязанностямъ; Щепкинъ восторгался гениемъ Мочалова, но не могъ примириться съ тѣмъ, что великій трагикъ пренебрегалъ работой надъ ролями; но человекъ, близко наблюдавшій обоихъ артистовъ въ ихъ театральнѣйшей дѣятельности, режиссеръ Соловьевъ, свидѣтельствуєтъ категорически, что если между Щепкинымъ и Мочаловымъ не было дружбы, то это нисколько не мѣшало имъ, однако, всегда оставаться хорошими товарищами.

Въ послѣдній періодъ дѣятельности Щепкина критики и публика нерѣдко противопоставляли Щепкину Прова Садовскаго, какъ еще болѣе крупнаго представителя сценическаго художественнаго реализма. Естественнѣе, что между обоими артистами существовало извѣстное художественное соревнованіе, но и въ этомъ соревнованіи сказывалось все благородство натуры Щепкина. У насъ есть достовѣрныя и безпристрастныя свидѣтельства о томъ, что Щепкинъ открыто отдавалъ должное дарованіямъ Садовскаго. Очень вѣско показаніе по этому вопросу композитора Сѣрова, который самъ являлся какъ разъ поклонникомъ Садовскаго. Вотъ какъ разсказываетъ Сѣровъ о вечерѣ, проведенномъ имъ со Щепкинымъ у Казначеева: „мнѣ насаказали, что Щепкинъ чрезвычайно самолюбивъ и рѣшительно всѣхъ бранить. Напротивъ, я нашель,